

ГЛАВА 7

КОРОЛЬ КАРЕЛИИ (2)

МЕЧТЫ НАЦИОНАЛИСТА И РЕАЛЬНОСТЬ ИМПЕРИАЛИСТА, 1919 г.

К концу 1918 г. большинству наблюдателей и участников интервенции стало ясно, что, пока союзники находятся на севере России, их главным противником остается режим большевиков, даже если об официальном объявлении новой политики речи не шло. После перемирия 11 ноября немецкая угроза была устранена. Упорное стремление белофиннов аннексировать Карелию никогда не принималось во внимание. В начале 1919 г. президент США Вудро Вильсон и британский премьер-министр Ллойд Джордж предложили противоборствующим сторонам в русской гражданской войне провести мирные переговоры на острове Принкипо в Мраморном море. Большевики приняли это приглашение, но белое движение (при поддержке Франции) отказалось, что разрушило все надежды договориться о прекращении гражданской войны. Хотя американцы не оставили попыток организовать мирные переговоры, основной вопрос, который теперь стоял перед союзниками, заключался в следующем: остаться ли им в России в надежде сокрушить революционное государство или вывести свои войска (чего хотели многие правительства и большинство их народов) и предоставить белым силам исключительно моральную и материальную поддержку для продолжения борьбы.

К этому времени союзники уже перевели на север России значительные силы. Численность британских и канадских войск превышала 13 тыс. человек, многие из которых были физически негодными к несению службы. Эти войска были распределены поровну между Мурманском и Архангельском. Свыше пяти тысяч солдат было в Архангельске у американцев, физически годных, но неопытных и с низким боевым духом; французские войска численностью 2500 человек были разбросаны по обоим регионам — среди них были очень замерзшие и злые африканские части; кроме того, вдоль Мурманской железной дороги было рассредоточено примерно по 1200 итальянцев и сербов¹. Во всех частях процветало пьянство, к тому же большевистская пропаганда умело играла на их усталости от войны и отсутствии цели.

Вдобавок союзники рекрутировали из числа местного населения около 7500 человек, из которых самым крупным контингентом был четырехтысячный Карельский полк. Белогвардейское Временное правительство Северной области, сформированное в августе в Архангельске (в октябре оно отстранило Мурманский совет от управления Мурманским краем), так и не сумело мобилизовать более многочисленное, но остававшееся апатичным русское население этого региона². Многие из русских крестьян, призванных в белую армию, быстро взбунтовались или дезертировали. (Распустив Мурманский совет, белогвардейское руководство начало проводить расследование в отношении Звегинцева, который до этого сотрудничал с большевиками. Вудс подозревал Звегинцева в связях с красными и в организации нескольких покушений на жизнь британских офицеров в Сороке (см. с. 76–78). Позже Звегинцев бежал из России и по имеющимся сведениям в 1928 г. жил в Париже.)³ Помощник генерал-губернатора Северной области Василий Васильевич Ермолов, возглавивший Мурманский край и Беломорскую Карелию в октябре 1918 г., был настроен особенно недружелюбно по отношению к Вудсу, не в последнюю очередь из-за явных успехов ирландца в вербовке и подготовке карелов.

Даже если союзники и решили эвакуировать свои войска, сначала им нужно было создать безопасный плацдарм, чтобы большевики не сумели помешать их эвакуации и, в идеале, не смогли бы сразу одержать победу над остающимися белогвардейскими силами. Парадоксально, но эта задача потребовала размещения дополнительных подкреплений перед собственно эвакуацией. В любом случае, до весны союзники были связаны замерзшим морем, что откладывало принятие какого-либо решения. Им также требовалось время, чтобы подготовить передачу белогвардейской армии тех подразделений, которые они набрали из местного населения, включая Карельский полк и Славно-Британский легион. Тем временем русское военное руководство,

чтобы усилить свои войска, ввело на контролируемых территориях обязательную воинскую повинность.

Союзники также надеялись, что сибирская белогвардейская армия адмирала Колчака, в которую с таким энтузиазмом отправился Альфред Нокс и которая к этому времени добилась некоторых успехов, сможет продвинуться достаточно далеко на запад, чтобы соединиться с белогвардейскими силами в Архангельской губернии. Их сил должно было хватить, чтобы позволить союзникам безопасно вывести свои войска и потом, соединившись с Добровольческой армией генерала Деникина на юге России, сокрушить власть большевиков. Поэтому в течение первой половины 1919 г. силы союзников наступали в южном направлении на Архангельском фронте (где их гораздо сильнее сдерживали мятежи в собственных войсках, чем вражеское сопротивление) и в Олонецкой Карелии. К началу лета войска Мейнарда в Карелии, которым помогали белогвардейские силы, достигли северо-западного берега Онежского озера⁴.

Тем временем в структуре британского командования произошли некоторые изменения. В октябре 1918 г. бестактного генерала Пуля заменил бригадный генерал Эдмунд Айронсайд. Ему было всего тридцать семь лет, но он уже имел репутацию блестящего пехотного командующего и человека, искушенного в политике (несмотря на то, что он нередко делал уничижительные замечания обо всех национальностях, кроме англичан)⁵. В начале своей карьеры Айронсайд работал под прикрытием в немецкой юго-западной Африке (где он принял участие в геноциде племен хереро, проводимом немцами), а потом служил в Южной Африке, где встретил Джона Бакана. Огромный англичанин произвел на романиста такое впечатление, что Айронсайд стал прообразом Ричарда Хеннея, бесстрашного героя «Тридцати девяти шагов» (1915).

После прибытия Айронсайда мурманская штаб-квартира Мейнарда стала независимой от архангельского командования. В конце сентября начальником штаба Мейнарда был назначен подполковник Е. О. Льюин⁶. Этот офицер имел тесные связи с белогвардейской группой в мурманской штаб-квартире и был враждебно настроен по отношению к Вудсу, который, по его мнению, страдал от «комплекса превосходства» и которого «нужно было обуздать» (см. с. 107). В декабре 1918 г. Марш по состоянию здоровья вернулся в Англию. Вудс на четыре дня принял временное командование над 237-й бригадой (недолгое, но очень почетное повышение, которое он не упоминает ни в мемуарах, ни в статье из справочника «Кто есть кто»), пока его не сменил сначала бригадный генерал М. Н. Тернер из 236-й бригады (в которую входили союзные части, действующие к северу от Кандалакши), а потом бригадный генерал Дж. Д. Прайс, прибывший в середине января

(также с инструкциями от Льюина «обуздать Вудса») и командовавший бригадой до ее эвакуации⁷.

К лету 1919 г. большевики остановили наступление Сибирской армии Колчака на запад. В начале июня Нокс отправил в Военное министерство телеграмму, в которой излагал два варианта действий в данной ситуации. Союзники были должны либо существенно усилить Архангельск и высадить 50-тысячную армию в Эстонии, чтобы захватить Петроград, а потом начать наступление на Москву, либо потребовать, чтобы белые и красные заключили перемирие, а потом организовали под международным наблюдением выборы в Учредительное собрание, которое и решило бы дальнейшую судьбу России. Нокс заметил, что второй план встретит сопротивление как со стороны «еврейских комиссаров» (т. е. правительства Ленина — согласно расхожему, но неправильному мнению, в нем доминировали евреи), так и «беспольной буржуазии», но нашел бы поддержку у девяноста процентов населения⁸.

Однако союзники уже начали разрабатывать практические и более реалистичные планы по эвакуации своих беспокойных северных русских сил во второй половине лета. Чтобы успокоить британское общественное мнение по вопросу отправки восьмидесяти тысяч вспомогательных сил на север России, Уинстон Черчилль организовал кампанию в прессе, которая должна была показать, насколько легко и успешно проходила операция. 3 апреля мурманский корреспондент «Таймс», например, писал, что «здесь ничуть не труднее, чем в Фарнборо <в графстве Гэмпшир, промышленном и испытательном центре военной авиации> — хорошая еда, развлечения и спорт, и все это приправлено приключениями в виде незначительных стычек с большевиками». 8 апреля он прислал по телеграфу статью, опубликованную под заголовком «Королевские ирландские карелы. История двух речных амазонок», в которой описывалась — с несколькими небрежными неточностями — победа, одержанная полком в прошлом году, полковой значок в виде трилистника и награждение Военным крестом нескольких карельских женщин, отвечавших за снабжение по реке (описание Вудса см. на с. 53–54).

Тем временем 237-я бригада Прайса теснила противника на южном направлении, чтобы захватить у большевиков передовые позиции в Повенецком уезде в центральной Карелии. К началу июля в Мурманском крае и в Карелии белогвардейцам удалось мобилизовать лишь около пяти тысяч человек (не считая карелов, особая история которых в данный период будет рассмотрена ниже). Эти русские призывники были поставлены под командование генерала Владимира Степановича Скобельцына, который поразил Вудса сочетанием нескрываемого фатализма и чувства долга (см. с. 80). Эту точку зрения

разделял и Мейнард: «Его спокойствие было настолько сильным, — вспоминал британский генерал о Скобельцыне в своих мемуарах, — что создавалось впечатление постоянной печали — впечатление, которое, как мне кажется, было недалеко от истины, ведь горести его страны были его горестями»⁹.

Хотя силы белогвардейцев были еще недостаточными, Мейнард уже получил четкие приказы об эвакуации. Французские войска покинули север России в начале июня, американские — в середине июля. Эвакуация британских и других союзных войск из Архангельска была завершена к середине сентября. В это же время, после последнего наступления на юг в сторону Петрозаводска, мурманская штаб-квартира Мейнарда передала набранные из местного населения отряды под командование белогвардейцев и эвакуировала все оставшиеся войска. Последний британский солдат покинул Кемь 29 сентября, а Мурманск — 12 октября¹⁰.

За месяц до этого Черчилль объявил в «Таймс», что союзники эвакуируют всех русских, оказавших им помощь. Айронсайд ожидал, что в Архангельске будет подано около 18 тысяч заявлений. На деле вышло, что британцы забрали с собой лишь около шести тысяч русских беженцев, остальные же решили остаться и сражаться¹¹. Ответственность за судьбы оставшихся русских (большинство из них стали жертвами победителей-большевиков в начале следующего года), как позже с нескрываемой горечью писал Черчилль, лежала «на могущественных и блистательных нациях, которые выиграли войну, но так и не довели начатое дело до конца»¹².

Оглядываясь назад, Мейнард полагал, что интервенции в целом удалось добиться поставленных целей: «Небольшая горстка британцев и союзников, — писал он в своих мемуарах, — дислоцированная в практически неизведанной арктической пустыне, помогла победе над Германией больше, чем можно было бы добиться гораздо более значительными силами, занятыми на любом другом театре военных действий!»¹³ Начальник Имперского генерального штаба сэр Генри Уилсон, излагая события в служебной записке Черчиллю в декабре 1919 г., был более сдержан в оценке интервенции (в которой британцы потеряли около тысячи человек, в том числе убитыми — 41 офицера и 286 военнослужащих других званий). В заключении он писал, что извлек из этого опыта важный урок: «Когда военные силы оказываются вовлеченными в наземные операции, почти невозможно ограничить степень их участия». Он пророчески добавил: «При нынешнем уровне мирового хаоса будет весьма мудро не забывать про этот принцип»¹⁴.

* * *

Как все эти события повлияли на карелов и их националистические стремления? Февральская революция 1917 г. в России, которая свергла царский режим и поставила во главе страны Временное правительство до национальных выборов в Учредительное собрание (оно должно было решить будущее конституционное устройство России), открыла новые перспективы для многих небольших приграничных народов. Впервые в истории казалось, что карелы больше не стоят перед двумя взаимоисключающими вариантами — русским имперским господством или поглощением «родственной» Финляндией, которая сама собиралась провозгласить себя независимым государством. Либеральная демократическая Россия могла предоставить карелам возможность для создания территории со своим самоуправлением внутри российских границ или даже для провозглашения независимости (как, например, потребовали три прибалтийских государства, каждое размерами от трети до половины Карелии и с ненамного более многочисленным населением).

В июле 1917 г. недавно сформированное Ухтинское волостное собрание написало предварительный вариант конституции Карельского автономного края в составе Российской конфедерации, который оно намеревалось подать в соответствующее время в Учредительное собрание. Ухтинское собрание, которое не было профинским и не стояло на крайних антибольшевистских позициях, понимало, что в данный момент лучше занять выжидающую позицию, и тем временем предложило раздать государственные земли и леса населению, чтобы получить народную поддержку¹⁵.

После октября новое правительство Ленина распустило местные собрания, выбранные демократическим путем. На тот момент казалось, что ожиданиям карелов на решение своего вопроса на основе территориальной децентрализации не суждено сбыться. Такой поворот событий мог бы толкнуть карелов обратно в объятия Финляндии, если бы белофинские добровольцы не организовали в 1918 г. два вооруженных вторжения в Олонецкую Карелию. Вполне вероятно, что карелы воспользовались бы помощью Финляндии в осуществлении собственных схем самоопределения, но это нападение было воспринято ими как явная попытка захвата их территории, и они мобилизовали свои силы, чтобы противостоять дальнейшему вторжению¹⁶.

Когда в начале лета на севере России началась высадка союзных войск, карелы обрели надежду, что им удастся заручиться достаточной материальной и политической поддержкой, чтобы утвердить свое право на автономию или независимость как от России, так и от Финляндии. Это стремление полностью соответствовало принципу национального самоопределения, провозглашенному в январе 1918 г. пре-

зидентом США Вудро Вильсоном в своей программе из четырнадцати пунктов, которая должна была послужить основой для мирной конференции, начавшейся через год в Париже¹⁷. Карелы, разумеется, не хотели считаться с соглашением, подписанным 7 июля 1918 г. Пулем с мурманскими властями в прагматических целях, без оглядки на принцип национального самоопределения. В этом соглашении Пуль обязался поддерживать региональную территориальную целостность и «великую неделимую Россию» — условие, на котором настаивало белое движение. Не был этот акт политического реализма и тем аргументом, который заставил бы Вудса, человека воинственного в своей принципиальности, отказаться от поддержки тех, кто так хорошо ему служил.

В конце 1918 г. Мейнард признал, что успех, которого карелы добились в своей осенней операции, начал создавать политические трудности. Поступив к союзникам на службу и выступив на их стороне против белофиннов, возглавляемых немцами, они теперь верили, что союзники должны оказать им поддержку или, по крайней мере, беспристрастно выслушать. Союзники считали, что они ничего не должны карелам, и продолжали требовать послушания, покорности и службы. В отличие от Вудса, они так и не поняли, что карелами «можно было руководить, но не погонять».

В начале ноября Мейнард встретился в Кеми с лидерами Беломорской Карелии (включая Ииво Ахава, который перевелся из красногвардейского Финского легиона в полк Вудса в начале осени). После встречи британский генерал уведомил директора военной разведки в Лондоне, что на карелов можно положиться в вопросе «поддержания и охраны местной границы» (т. е. для возможного отражения будущего немецкого или белофинского вторжения), однако он не испытывает уверенности в их готовности сражаться на стороне белогвардейцев против большевиков. Скорее всего, он был прав. В конце концов, правительство Ленина провозгласило национальную политику, основанную на антиимпериалистических принципах, которая давала карелам какие-то надежды на уступки, в то время как белогвардейцы демонстративно выказывали надменную непримиримость по отношению к подчиненным народам бывшей империи.

Мейнард предостерегал, что любая попытка улучшить отношения между белым движением и карелами, скорее всего, лишь усугубит недовольство последних. Другими словами, за свое дальнейшее сотрудничество карелы выдвигали условия, которые, как он знал, было невозможно выполнить. Однако далее Мейнард указывал: «Если все же будет принято решение об отзыве союзных сил, эту попытку нужно предпринять, иначе без помощи карелов у русских на этой стороне, скорее всего, не будет никаких шансов оказать сопротивление большевикам»¹⁸.

Британский главнокомандующий был прав в том, что белогвардейцев и карелов нельзя было примирить. С одной стороны, русские рассматривали контакты британцев с карелами как «предательские» — архивные данные показывают, что рассказы Вудса о смертоносной двуличности ряда белогвардейских офицеров в Кемь и Мурманске не были всего лишь игрой его излишне богатого воображения¹⁹.

С другой стороны, карелы начали преследовать свои националистические цели с еще бóльшим рвением и настойчивостью. В конце января карельская делегация вручила Вудсу написанное от руки письмо, адресованное «Его Величеству Королю Великобритании», которое он должен был вручить британскому Верховному командованию, чтобы оно переправило письмо в Лондон (Вудс воспроизводит этот документ в «Карельском дневнике», с. 134–139, хотя он ошибочно датирует его концом февраля). Он был подписан представителями семи волостей Беломорской Карелии, тремя офицерами Карельского полка (майором Григорием Лежевым, его адъютантом капитаном Петром Лежевым и капитаном С. Петерсоном) и Ииво Ахава, который представлял волости, оккупированные красногвардейским Финским легионом. В документе кратко описывалось сложившееся затруднительное положение и предлагалось его решение:

С Россией сжиться мы никогда не сможем, да и не желаем. К Финляндии, которая наглым образом хотела присоединить нашу родину к себе, опустошив наши села и деревни, унеся наши последние деньги-гроши, мы быть солидарны никогда не хотим... Умоляюще просим принять нашу родину Корелию <Так в тексте. — Примеч. перев.> под защиту Британии*, которую всякий щиплет, т. е. Корелию.

Вудс передал это письмо Прайсу с пометкой «секретно», но без каких-либо комментариев²⁰.

Через неделю, 7 февраля, Мейнард прибыл в Кемь. (Этот визит и все последующие события описаны в мемуарах Вудса с подкупающей непосредственностью, но непонятно и путано хронологически). Утром главнокомандующий силами союзников провел инспекцию полка и вручил награды (в том числе двум девушкам-гребцам, упомянутым выше). После этого он встретился с Прайсом и Вудсом и сообщил им о категорическом отказе британского правительства на петицию карелов. Более того, Мейнард даже не постарался смягчить эту новость для карелов, вместо этого потребовав от Вудса, чтобы тот начал готовить полк к переходу под российское командование, «когда наступит время эвакуации». Для этого Мейнард предложил постепенно вводить в полк русских офицеров. Первым русским, получившим туда назначение, был граф Беннигсен, бывший императорский гвар-

деец, который вступил в 4-й (Олонецкий) батальон Дрейк-Брокмана в марте и которого высоко оценивали как Вудс, так и Мейнард²¹.

Следующим вечером Мейнард, Прайс и Вудс ужинали в Кеми вместе с несколькими белогвардейскими офицерами, включая Ермолова, вице-губернатора Северной области²². Через шесть дней, 14 февраля, Ермолов подал докладную о Карельском полке генерал-губернатору Е. К. Миллеру в Архангельск. Он писал, что карелы под руководством Вудса «окрасились в отчетливо красный оттенок ... который проявляется в актах насилия по отношению к русским чиновникам и более богатым соотечественникам, а также в системе террора по отношению к буржуазии — белой <финской> гвардии — врагам союзников»²³. Он признал, что Вудс и другие британские офицеры в определенной степени смягчали политический радикализм в полку. Однако Вудс и его подчиненные позволили «неразумно вовлечь себя в преследование тех <т. е. белогвардейцев>, кто жаждет бороться с красновардейцами и большевиками». Далее Ермолов писал:

Полковник Вудс — сильный и энергичный мужчина — в заботе о своих подчиненных слишком увлекся своей ролью. Появился новый карельский флаг (оранжевое полотно с трилистником — несомненно, ирландский); и этот трилистник используют в своей униформе не только карельские офицеры и солдаты, но и британские офицеры, возглавляющие карелов. Впервые на исторической сцене появилась «Карельская нация», и свежеспеченные офицеры, среди которых есть два или три бывших учителя, неуклюже обсуждают вопросы, на которых на протяжении десяти прошедших лет умело играла банда панфинских агитаторов в Карелии. Они заручились поддержкой британского командования, и их работа основывается на значительных продовольственных запасах²⁴.

Ермолов указал, что местные русские жители испытывают «непркрытое беспокойство» и признал, что «их раздражение выливается лично на полковника Вудса и его офицеров». По его мнению, это было неприятно, но вполне понятно. Лично познакомившись с полковником Вудсом, он сделал вывод, что «не может быть никаких сомнений в его искренности, оттого его ошибки еще более печальны, так как в них он проявляет типичное британское упрямство»²⁵.

Чтобы исправить эту ситуацию, Ермолов предложил приостановить вербовку в Карельский полк, запретить ему операции к югу от Кемского уезда (он боялся, что иначе полк заразит своим радикализмом олонецких карелов), а в южной Карелии свести в новый смешанный полк 4-й батальон и русские подразделения малочисленного Славяно-Британского легиона. Вдобавок он предложил лишить карельских солдат «привилегированного» снабжения, которое они получали

в качестве подразделения союзных сил: вместо этого они должны были ограничиться теми же (меньшими) рационами, что получали белогвардейские отряды.

В то же время новое кемское земское собрание, выборы в которое в тот момент организовывали русские власти, должно было обеспечить лучшие условия для северо-карельского населения и выработать программу общественных работ (строительство дорог, больниц и т. д.). Подобный подход поощрил бы карелов более активно сотрудничать с русскими — предположительно, чтобы ослабить их ложное чувство национальной обособленности, — и позволил бы им почувствовать свою роль в победе антиреволюционного движения. Наконец, британских офицеров Карельского полка предполагалось постепенно заменить на русских, что позволило бы союзному командованию «сохранить лицо и выпутаться» из этой странной и нелепой ситуации²⁶.

Как свидетельствует запись внизу документа, сделанная от руки, Ермолов получил от Мейнарда согласие по всем этим пунктам. Оно было подтверждено 18 февраля на встрече между Ермоловым и полковником Льюином, начальником штаба Мейнарда в Мурманске, который к тому времени уже был недоброжелательно настроен по отношению к Вудсу и его карелам. В марте 4-й батальон Карельского полка, командиром которого был Дрейк-Брокман, вывели из-под командования Вудса и слили с отрядами Славяно-Британского легиона, действующими в южной Карелии. Новое смешанное подразделение, получившее название «Олонекский полк», включало в себя два батальона (один из них назвали Карельским, что создало определенную путаницу). Его командиром был назначен подполковник Л. Дж. Мур, подчинявшийся непосредственно генералу Прайсу²⁷.

Тем временем кемские карелы направили все усилия на защиту национальных интересов, а не большевизма. Согласно мемуарам Вудса, делегация, подавшая ему петицию в конце января, также обратилась к нему за рекомендацией по сложившейся ситуации «не официальным образом, а в частном порядке» (см. с. 108–109). Когда Вудс проявил осторожность, они попросили у него разрешения пригласить бывшего премьер-министра финского социалистического правительства Оскари Токоя, который в тот момент служил в красном Финском легионе Бертона, приехать на поезде из Кандалякши и высказать свое мнение в качестве эксперта по поводу их дальнейших действий. Полковник согласился на это, что было рискованным решением, ведь Мейnard уже подозревал Токоя вместе с его другом, капитаном Вернером Лехтимяки, также красным финном, в подрывной деятельности (неясно, знал ли об этом Вудс до того, как уступил просьбам карелов; его мемуары подразумевают, что нет)²⁸.

Результатом встречи карелов с Токоем — согласно мемуарам Вудса, встреча проходила в его присутствии — было решение созвать в конце месяца съезд представителей карелов. На встрече, которая состоялась 16 февраля в штаб-квартире Карельского полка, также присутствовали его офицеры, Григорий Лежев и Ииво Ахава²⁹. Ахава произнес пылкую речь, которую, согласно имеющимся сведениям, написал для него Токой, требуя права на самоопределение, международного признания и представительства на международной мирной конференции, которая в это время собиралась в Париже для обсуждения новой национальной карты послевоенной Европы.

Мейнард был заранее предупрежден о кемском съезде и приказал бригадному генералу Прайсу посетить его и зачитать на нем телеграмму от главнокомандующего с угрозами, что союзники прекратят оказывать карелам помощь, если те продолжат настаивать на своих националистических требованиях. Прайс выполнил этот приказ и произнес долгую и горячую речь от себя (опубликована в Приложении В). Если с русскими лидерами британские генералы обращались как со старшими школьниками, то с карелами они держались как с испорченными школьниками младшего возраста. Прайс заявил, что цель интервенции союзников с самого начала заключалась в «искоренении и уничтожении большевиков» (это должно было весьма удивить некоторых из его слушателей), чьей верой была «анархия и разруха». Карелы были обязаны принять участие в антибольшевистской кампании, продолжал он, чтобы заслужить благосклонность белогвардейцев, которые после победы и восстановления своей империи, возможно, дадут им какую-то степень автономии. Тем временем делегаты должны были разойтись по домам и объяснить свои людям, что «мир, процветание и счастье Карелии будут возможны ... лишь тогда, когда возродится великая, единая и свободная Россия».

Карелов в их убеждениях не поколебали ни угрозы Мейнарда, ни покровительственные аргументы Прайса — все это прозвучало впустую, учитывая нескрываемое презрение и враждебность, которую демонстрировали по отношению к местному населению белогвардейцы. Вместо этого карелы поддержали требования Ахава и решили сформировать Национальный комитет, состоявший из пяти человек, — своего рода временное правительство, которое должно было подготовить местные выборы в карельское национальное Учредительное собрание. Именно оно и должно было определить, будет ли будущее Карелии связано с Россией, с Финляндией или ни с той и ни с другой. Национальный комитет был наделен полномочиями начать переговоры с «соседними государствами» Карелии (т. е. с Финляндией, белогвардейским Временным правительством Северной области и Советской Россией), чтобы добиться от них признания ее независимости, а также

послать двух делегатов на Парижскую конференцию и на остров Принкипо (в том случае, если эта конференция состоится), чтобы обязать договаривающиеся стороны признать право Карелии на самоопределение⁵⁰. Майор Григорий Лежев из Карельского полка и его адъютант Петр Лежев (скорее всего, братья) получили от съезда особый мандат на участие в Национальном комитете и согласились помогать ему в его деятельности, если она не вступит в противоречие с их воинским долгом (это условие является важным в свете обвинений, выдвинутых позднее против карельских офицеров полка)⁵¹.

Всем без исключения, кроме Вудса и самих карелов, эти требования казались смехотворными и опасными. Белогвардейцы открыто высказывали свое убеждение в том, что съезд карелов предвещает немедленное большевистское восстание в уезде, которое начнется и будет возглавлено самим Карельским полком. Несомненно, в их интересах было представить для британцев деятельность карелов именно в таком свете. Хотя Мейнарда так и не удалось убедить, что полк собирается поднять восстание, и Вудс энергично и неоднократно опровергал это, остальные офицеры и командование союзных сил были склонны верить, что дела обстоят именно так.

5 марта Дрейк-Брокман отправил Прайсу в штаб-квартиру 237-й бригады в Кемпи телеграмму, в которой говорилось, что «командующий Батаяр, офицер французской военной разведки, переслал рапорт <он был написан, скорее всего, Ермоловым и в то время ходил по кругу>, где сообщается, что на Карельский полк, по его мнению, нельзя полагаться и нужно предпринять меры, чтобы обезвредить любое восстание, которое может в нем произойти»⁵². Штаб-квартира в Мурманске, очевидно, пришла к тем же выводам, и Прайс немедленно вызвал Вудса и приказал ему разоружить свой полк. В британских военных архивах отсутствуют сведения о дальнейших событиях. Однако, как сообщают мемуары Вудса, ему удалось убедить своего командира в том, что история о планируемом в Карельском полку мятеже была сфабрикована белогвардейцами, которые хотели использовать ее как уловку, чтобы убить всех британцев в Кемпи и потом возложить ответственность на карелов. Прайс согласился, чтобы карелы, пока создается видимость их разоружения, оставили при себе все оружие за исключением пулеметов Льюиса (легкий пулемет, с которым управлялись два человека, был широко распространен в британской армии). Вудс разработал план, чтобы у карелов остались даже пулеметы (впервые в своей жизни, утверждает Вудс в своих мемуарах на с. 122, он «намеренно нарушил дух прямого приказа от вышестоящего начальства»), и расставил свои войска таким образом, чтобы предотвратить спланированное русскими нападение.

Британское правительство уже передало карелам четкий ответ на их петицию через генерала Мейнарда. В начале марта министерство

иностранных дел послало в Кемь Фрэнсиса Линдли, своего поверенного на севере России, чтобы окончательно уладить этот вопрос. Согласно мемуарам Вудса (с. 140), Линдли весело приветствовал его на станции словами: «Неужели, полковник Вудс, это очередной ирландский розыгрыш?» Дипломат снова повторил, что британское правительство не примет Карелию в качестве протектората, после чего отправился на встречу с карелами, которую Вудс пропустил, так как «не испытывал желания наблюдать <их> разочарование». Линдли также сообщил Вудсу, что карельская петиция «вызвала переполох среди некоторых из наших союзников» и что самого Вудса считали ответственным за подстрекательство «британских планов на захват Карелии».

Хотя мы знаем, что эта часть обвинений была исключительно плодом воображения белогвардейцев — Британия никогда не вынашивала «планов» на захват территории в этом регионе — остается неясным, какую роль сыграл Вудс в политической деятельности карелов в этот период. Был ли он в действительности подстрекателем, как считали некоторые, или просто пассивным наблюдателем? В своих мемуарах он не скрывает, что искренне поддерживал стремления карелов — он стал испытывать по отношению к ним «милосердие и доброту, многое поняв, наблюдая за безмолвным страданием местных жителей», если снова процитировать героя «Пресвитера Иоанна» Бакана. Он верил и надеялся, что их петиция с просьбой предоставить Карелии статус британского протектората могла иметь успех не в последнюю очередь благодаря лесным богатствам и полезным ископаемым края, которые, как он понимал, были соблазнительной приманкой для империи (см. с. 140).

Однако, согласно свидетельству Вудса, он тщательно сохранял профессиональную беспристрастность, предлагая свои советы (например, организовать избирательную систему, сформировать сберегательный банк и кооперативные торговые общества, см. с. 144) только частным образом. То, что его лояльность британскому командованию всегда оставалась на первом месте, не подлежит сомнению. Когда во время ухтинской кампании, длившейся с августа по октябрь 1918 г., он узнал, что несколько карелов организовали встречу в Панозере, на которой обсуждали политические требования, он искренне посоветовал им быть осторожнее в своих намерениях и не позволить отдаленным амбициям отвлечь себя от борьбы против белофиннов и немцев. Он осознавал, что это было приоритетной задачей как для него, так и для них³⁵.

Однако тот факт, что Вудс в действительности самым очевидным образом «нарушил дух» приказа разоружить карелов в марте следующего года и осмелился весьма творчески интерпретировать инструкции в нескольких других случаях (например, когда ему было приказано

арестовать Токая в то время, когда финский политик находился с визитом в Кеми, см. с. 110), предполагает, что он, возможно, не всегда проводил различие между профессиональной и личной ролями. Это также придает вес другим свидетельствам, согласно которым Вудс сыграл более активную и конструктивную роль в развитии карельского националистического движения.

Мы уже сталкивались с мнением Ермолова о том, что Вудс «слишком увлекся своей ролью» и что он «проявляет типично британское упрямство», не желая отказаться от своей ошибочной позиции. Ермолов также, вполне возможно, верил (как намекнул Линдли), что Вудс мог поощрять карелов в их «свежеиспеченных» националистических амбициях только с распоряжения или при попустительстве британского правительства. Однако у вице-губернатора хватило такта, чтобы скрыть эти подозрения в докладе, который он отправил Миллеру и который был переведен и распространен среди британских дипломатических и военных чиновников, в конечном итоге достигнув Уайт-холла, где он оказался на столе британского министра иностранных дел лорда Керзона.

Другие белогвардейцы высказывали свои обвинения более открыто. Владимир Иванович Игнатъев, политически левый антибольшевик и министр внутренних дел в русском правительстве в Архангельске до августа 1919 г., через несколько лет вспоминал в своих мемуарах (написанных в советской тюрьме и потом опубликованных в советском журнале):

В Карелии англичане устроили авантюру — английский полковник, командовавший там военными силами, организовал тайный съезд корел <так в тексте> и, играя на их национальном чувстве, провел резолюцию о независимости, в которой этот съезд передавал вопрос, от имени карельского народа, на разрешение Лиги Наций. Нечего указывать на то, что здесь англичане выкраивали себе первый колониальный плацдарм на нашем севере. Мы протестовали и авантюру эту сорвали³⁴.

Мемуары Игнатъева можно, конечно, проигнорировать как типичное советское переписывание истории, а также как попытку самооправдания, в которой он перевел основное внимание со своей роли на неординарных английских империалистов (с очевидным успехом — в 1922 г. его выпустили из тюрьмы на основании того, что он «полностью расстался со своим контрреволюционным прошлым»).

Однако генерал Владимир Владимирович Марушевский, бывший гвардеец российской императорской армии и главнокомандующий белогвардейской армией в Архангельске и Мурманске с ноября 1918 г. по август 1919 г., стоявший на совершенно иных политических пози-

циях и написавший свои мемуары в конце двадцатых годов в эмиграции, свидетельствует о том же³⁵. Марушевский (с ним мы еще встретимся) отрицал само существование отдельной карельской народности среди русского населения этого региона, считая, что «карельская национальность» была наглым британским «изобретением», а стремление местного населения к «самоопределению» было британской инициативой, основывавшейся на высокомерии «сынов гордого Альбиона, <которые> не могли себе представить русских иначе, чем в виде маленького, дикого племени индусов или малайцев что ли». Очевидно, что русский генерал все еще испытывал жгучую боль, вспоминая, как с ним обращались:

Русское мнение, исходившее от людей даже высокостоящих в императорской России, встречалось англичанами с добродушным снисхождением, похлопыванием по плечу и с той типичной английской веселостью, которая заставляет людей совершенно не различать, имеют ли они дело с очень умным и хитрым человеком или с совершенным простаком. Результат этого русско-английского обмена мнений был всегда один и тот же. Англичане всегда все делали по-своему и всегда неудачно.

Таким же образом, продолжал Марушевский, англичане отвергли все возражения русских по поводу формирования карельского армейского подразделения. Британцы вооружили, одели и накормили карелов, как будто они были частью британской армии, с тем единственным исключением, что недавно рекрутированные крестьяне носили на своих головных уборах бронзовые трилистники (он также обратил внимание на то, что новым карельским флагом был трилистник на оранжевом фоне). «Трудно себе даже и представить, — продолжал он, — сколько политической нетерпимости, ссор, борьбы и затруднений внесло в жизнь края это формирование»³⁶.

Из британских военных документов явствует, что Прайс и Льюин воспринимали Вудса как источник постоянного раздражения в вопросах, касавшихся поддержания более-менее нормальных политических отношений с русскими (а во время долгой темной зимы им было почти нечем заняться, кроме политики). Мейнард, как мы видели, относился к Вудсу более мягко и, в целом, был готов иногда поверить ему — его мемуары умалчивают о размахе и природе политической деятельности Вудса.

Британские дипломаты проявляли меньше сочувствия, но, как и следовало ожидать, выражали неодобрение более уклончиво. Чиновник из министерства иностранных дел, проезжавший через Мурманск и Кемь в марте 1919 г., послал в Лондон доклад, в котором описывал Вудса как «предприимчивого» офицера, «немало сделавшего для подъема

национального духа» карелов, не в последнюю очередь тем, что он избрал для них эмблему и флаг³⁷. В этом контексте, «предприимчивый»*, без сомнения, обозначает энергичность, творческий подход и независимость суждений — все то, что словно специально смущает и раздражает дипломатическую чувствительность.

Линдли, переслав доклад Ермолова лорду Керзону, добавил в своем комментарии, что тот «приписал рецидивы старой <пробольшевистской> пропаганды влиянию полковника Вудса и других британских офицеров» (хотя на самом деле Ермолов писал, что Вудс и его подчиненные прилагали определенные усилия, чтобы «смягчить» политический радикализм в полку). Он также писал об обвинениях Ермолова против Вудса, согласно которым последний чинил русским офицерам препятствия в исполнении их обязанностей в Карелии³⁸.

У Линдли, несомненно, сложилось собственное мнение о Вудсе из разговоров с белогвардейцами и Мейнардом, а также по результатам его собственной поездки в Кемь в начале марта:

Вудс <писал он лорду Керзону>, кажется, приобрел большое влияние на <карелов> и немало сделал для подъема национального духа среди людей, которые до сих пор всегда считали себя неотъемлемой частью России... Пыл полковника Вудса вызвал определенное беспокойство среди русских, но генерал Мейнард уверил меня, что дал Вудсу строгий приказ прекратить свою политическую деятельность и не поощрять сепаратистские тенденции, которые в настоящее время совершенно очевидно ограничиваются небольшим по численности населением уезда³⁹.

Если Мейнард действительно счел необходимым приказать Вудсу воздержаться от «политической деятельности» — значит, главнокомандующий на самом деле чувствовал, что его подчиненный переступил границы профессионального военного поведения. В свете свидетельства Линдли тот факт, что Мейнард не упоминает этот эпизод в своих мемуарах, также дает основания подозревать, что он считал действия Вудса не вполне уместными, но хотел сохранить великодушное молчание по этому вопросу, не желая подвести того, кого он искренне уважал за военный профессионализм. С другой стороны, Мейнард мог, разумеется, отдать подобный приказ лишь для того, чтобы успокоить своих разгневанных союзников или утешить дипломатическую чувствительность Линдли. В конечном итоге, можно утверждать, что все белогвардейские и британские генералы и дипломаты принадлежали к одной и той же мурманской «клике» (как назвал ее Вудс, см. с. 119), и поэтому нельзя считать, что их высказывания, взятые каждое в отдельности, подкрепляют друг друга.

Однако левый финский политик Оскари Токой предложил схожую интерпретацию роли Вудса в своих мемуарах, хотя он смотрел на события совершенно с иной политической точки зрения и его представления сложились в другой обстановке (никакой связи с Мурманском у него не было), когда он в течение двух дней был гостем Вудса в Кеми в начале февраля и потом недолго в апреле. Он также прекрасно знал о том, что у британцев не было никаких «планов» по захвату Карелии и что у карельского националистического движения была предыстория, о которой намеренно ничего не желали знать белогвардейцы и британцы, поэтому он был более осведомленным и менее пристрастным наблюдателем. По мнению Токоя (он писал в 1950-е гг.), «предложения <февральского> съезда и независимость Карелии нашли поддержку у командира Карельского Легиона Вуда <так в тексте>, который был ирландцем и ярким сторонником независимости Ирландии»⁴⁰.

Характеристика Вудса как ирландского националиста, данная Токоем, является весьма любопытной. Этот финн был проникательным и очень умным политиком, и сложно поверить, что он неправильно интерпретировал политические взгляды Вудса в тот момент, хотя вполне возможно, что при написании мемуаров три десятилетия спустя память могла его подвести. Скорее всего, Токой связал Вудса с ирландским сепаратизмом под влиянием карельского трилистника, о котором часто вспоминают в «фольклоре», связанном с этими событиями. Можно предположить, что ольстерец сам догадывался о неизбежности этой путаницы, когда придумывал эмблему полка и флаг, и не придал этому большого значения.

Несомненно, утверждение Вудса о своей пассивной роли, заключавшейся в том, что он всего лишь дал карелам рекомендации, является искренним, но при этом так же очевидно и то, что его отношение и поведение получили совсем иную оценку у других людей, как в то время, так и позже. Если Вудс активно воодушевлял и продвигал карельский вопрос, который любой беспристрастный наблюдатель, при всей вере в его благородство и романтичность, не мог не оценивать как безнадежный, он должен был разделить ответственность и за последствия его неудачи. Вероятно, громогласное возмущение, которое в последующие годы Вудс высказывал по поводу того, что он считал надменным, аморальным, предательским и лицемерным поведением британских правящих классов, было вызвано не дававшим ему покоя сознанием собственного нечаянного соучастия в крахе маленькой нации. Возможно, Вудс чувствовал, что имперская элита также предала его собственный идеал империи.

* * *

В мемуарах Вудса особенно туманна последовательность событий, произошедших в течение следующего полугодия до эвакуации, когда он вел все более и более тяжелый и, в конечном итоге, проигранный арьергардный бой против роспуска своего полка, оказавшегося под ударом как извне, так и изнутри, пока в результате сочетания заговоров, сложных обстоятельств и своего собственного негибачего упрямства он, в конце концов, снова не потерял свою командную должность.

Карелы упрямо не желали признавать официального отказа Британии на поданную ранее петицию и в начале марта послали Мейнард протоколы своего февральского съезда, чтобы доказать, что их политическая деятельность далека от подготовки восстания. После встречи с Ермоловым, состоявшейся 11 марта, Мейнард прислал карелам ответ, в котором отвергал их требования на самоопределение как «абсурдные», отказывал во всех их просьбах и в очередной раз высказывал свое убеждение, что «из-за своего неразвитого состояния Карелия в настоящее время не может существовать как независимое государство»⁴¹.

Согласно мемуарам Мейнарда (в хронологии которых присутствуют ошибки), Ермолов настаивал на немедленном аресте и наказании карельских главарей, но британский генерал отговорил его от каких-либо радикальных действий, так как верил, что они спровоцируют мятеж. Он предложил, чтобы вместо этого Ермолов ограничился суровым выговором и предупреждением лидерам карелов⁴². После этого Ермолов приехал в Кемь, где обрушился на Карельский национальный комитет с яростной бранью и среди всего прочего назвал их (согласно мемуарам Вудса, где также допущена ошибка в датировке, с. 143) «мятежными свиньями и дворянами, чей выводок нужно истребить под корень».

Теперь невозможность примирения ни у кого не вызывала сомнений. В марте, после этих событий, Карельский национальный комитет послал Мейнард длинный документ (снова через Вудса), в котором совершенно оправданно указал, что «содержание письма <генерала> совершенно не основывается на принципах ни демократии, ни автономии различных народов, хотя Союзные Правительства провозгласили торжественно, что эти принципы будут основой их настоящей политики» (см. с. 141).

После этого национальный комитет рассмотрел каждый из пунктов, которые сделал в своем письме их главнокомандующий. Они заявили, что члены комитета получили демократические мандаты от местного населения, что их просьбы присутствовать в Париже или на

Принкипо соответствовали условиям, объявленным в связи с этими встречами, что они не могли высказать своего мнения по поводу формирования белогвардейского Временного правительства Северной области или назначения вице-губернатора (подразумевалось, что они не считают эту власть законной) и что белогвардейцы намеренно исключают карельское население из предстоящих выборов в новое кемское земское собрание и из участия в работе самого земского собрания, так как официально утвержденным языком извещений и протоколов объявлялся только русский язык. В заключение они писали, что карелы больше ничего не ждут от союзников, за исключением того, чтобы им не мешали добиваться своих собственных целей и чтобы союзники не поддерживали белогвардейских империалистов.

Сложилась патовая ситуация. Каким бы «исключительно непримиримым» ни считал Мейнард Ермолова, он не мог позволить обострить отношения со своими белогвардейскими союзниками, так как успех британского отступления зависел от продолжения их сотрудничества. Тем временем карельские солдаты в Кеми самым явным образом давали понять свое нежелание переходить под командование русских офицеров. На юге олонецкие карелы, согласно Дрейк-Брокману, были «чертовски злы» на кемский полк, на который они больше не могли положиться в своей борьбе против красногвардейцев, наступающих из Петрограда. Теперь южные карелы размышляли, что им, возможно, стоит пригласить белофиннов обратно на свои земли, чтобы те помогли отразить вторжение большевиков⁴⁵. В Кандалакше все большее беспокойство проявляли красные финны, ожидавшие исхода переговоров между британским и финляндским правительствами по вопросу их репатриации. В Мурманске белогвардейцы заявляли о бескомпромиссном неприятии всех финнов, как белых, так и красных, и всех карелов, и в то же время, не переставая, пререкались друг с другом. Трудная ситуация быстро превращалась в очень трудную.

В конце марта Мейнард получил рапорт, который, несомненно, был написан в штаб-квартире Ермолова. Согласно этому рапорту, 10 апреля Карельский полк планировал поднять в Кеми большевистский мятеж одновременно с восстанием красных финнов в Кандалакше и бунтом в Мурманске⁴⁴. Ему также сообщили, что карелы (очевидно, южные) планируют организовать восстание, чтобы провозгласить свою независимость от России и вхождение в состав Финляндии, что будет поддержано финскими войсками, которые, как было известно, в то время группировались у границы⁴⁵. Перед лицом такой комплексной угрозы Мейнард послал в потенциальные очаги неприятностей надежные войска. В действительности же никакого восстания не произошло⁴⁶.

Мейнард также поговорил с Токоем и Лехтимяки, лидерами красных финнов, которые согласились удержать своих подчиненных от каких-либо безответственных шагов. Взамен британский генерал обещал свободный проход всем красным финнам, которые решат отправиться на юг, чтобы присоединиться к большевикам (многие, в том числе и эти два лидера, воспользовались этим предложением; Вудс рассказывает об их проезде через Кемь в своих мемуарах, см. с. 122–123). Большинство из оставшихся красных финнов вернулись в сентябре обратно в Финляндию.

Остается открытым вопрос, насколько близки к восстанию были Финский легион и Карельский полк 10 апреля. Британский дипломат Линдли, находящийся в Архангельске, считал «паникой» убежденность Мейнарда в том, что восстание неминуемо: по его мнению, генерал воспринимал происходящее в искаженной форме из-за умственного и физического истощения⁴⁷. Существуют свидетельства, что Лехтимяки, активно поддерживавший большевизм, планировал некие выступления, но его отговорил более политически зрелый и осторожный Токой. Согласно мемуарам, написанным одним из красных финнов, Лехтимяки надеялся на согласованные действия с карелами и вошел в контакт с капитаном Ахава по вопросу возможного переворота, но обнаружил, что его старый товарищ и его полк твердо намерены не предавать британцев⁴⁸. Это подтверждает неоднократные утверждения Вудса, которые он делал и в то время, и позже в мемуарах, что Карельский полк никогда не планировал мятежа и все сомнения в их лояльности возникли в результате черной пропаганды против него и его подчиненных, организованной белогвардейцами⁴⁹.

Даже в отсутствие доказательств вероломных намерений белогвардейцы организовали массовые аресты финнов и карелов, подозреваемых в большевистской агитации или симпатиях к большевикам. Частью этой репрессивной кампании был провокационный акт, заключавшийся в жалобе лейтенанта Е. Богданова, белогвардейского офицера в Кемь, поданной Вудсу 12 апреля. Богданов утверждал, что в общении с ним Ахава нарушил субординацию и вел себя грубо, и потребовал, чтобы тот был соответствующим образом наказан. Вудс провел расследование и решил, что в основе конфликта лежало «различие в политических взглядах». Чтобы избежать ухудшения и без того напряженной ситуации, он посоветовал Ахава вновь присоединиться к Финскому Легиону и уйти вместе с ним на юг. 22 апреля капитану Ахава дали гражданскую одежду и посадили на поезд⁵⁰. Через несколько дней сербские солдаты, действовавшие по приказу белогвардейцев, подстерегли Ахава во время его поездки и убили⁵¹. Неизвестно, узнал ли Вудс об этом убийстве в то время или позже — в его мемуарах это событие не отражено.

Несмотря на регулярные заверения в лояльности карелов, которые Вудс отправлял в Мурманск, 8 апреля «Таймс» опубликовала сообщение, в котором пересказывались слухи о мятеже в Карельском полку. По странному совпадению в следующем же номере газеты был помещен панегирик «Королевским ирландским карелам», о котором уже упоминалось выше — это была часть кампании Черчилля, с помощью которой он готовил общество к отправке сил поддержки. Как описывает Вудс в мемуарах, Карельский полк выразил негодование по поводу первой заметки, и он лично отправил Мейнардту телеграмму с вежливой просьбой об официальном опровержении (см. с. 128–129). Когда Мейнард попытался уклониться, Вудс отправил ему гораздо более прямую телеграмму: «Поскольку опубликованное сообщение официально исходило из Военного министерства, мне остается полагать, что Военное министерство и общественность считают мою деятельность на посту командующего неloyальной и вышедшей из-под контроля» (с. 129). После этого Мейнард отправил в Военное министерство официальное заявление, в котором подтвердил лояльность карелов, хотя и подстраховал себя с помощью фраз, из которых ясно, что он не разделял абсолютную веру Вудса в полк:

Без сомнения, многие в полку были бы готовы связать свою судьбу с финнами, если бы последним удалось поднять успешное восстание, но ситуация сложилась так, что им этого не удалось. По всем внешним признакам весь Карельский полк оставался на нашей стороне, и сейчас все они утверждают, что у меня нет более преданных солдат, чем они. Они заявляют, что, оставшись на нашей стороне в критическое время, сейчас они вправе резко протестовать против обвинений в попытках мятежа. С этим согласны и все британские офицеры полка⁵².

29 апреля «Таймс», еще больше запутав своих читателей, перепечатала заявление Военного министерства под заголовком «Непоколебимые карельские союзники».

Белогвардейская кампания, заключающаяся в дезинформации и преследованиях, оказала влияние и на сам Карельский полк. Несмотря на искреннюю лояльность по отношению к Вудсу, дезертирство принимало все большие масштабы, особенно с приближением лета, когда стало ясно, что вскоре полк переведут под русское командование. К лету из первых добровольцев Вудса, принимавших участие в прошлой годней успешной кампании, в полку оставалось лишь несколько человек. В апреле и мае, как уже упоминалось выше, силы генерала Прайса наступали на юг, чтобы захватить прочный плацдарм против большевиков на северном берегу Онежского озера. Олонецкий батальон принимал участие в этой операции (во время которой были

убиты двое из бывших офицеров Вудса, майор Дрейк-Брокман и лейтенант Мьюир)⁵³. Однако на фронте Мурманск карелам не доверял.

3 мая Вудс был временно назначен командующим недавно созданного Кемского военного округа, а 11 мая это назначение было подтверждено⁵⁴. Очевидно, это назначение имело целью смягчить последовавший удар. 20 мая Мейнард издал по силам «сирен» приказ № 31, в котором распорядился «реорганизовать» Карельский полк. В приказе, изданном за подписью второго штабного офицера Мейнарда, майора П. Дж. Маккези (который в феврале совершил инспекцию карельских частей и, в отличие от своего старшего коллеги Льюина, был хорошо настроен по отношению к Вудсу), признавалось, что карелы хорошо проявили себя в прошлом году в боях против немцев и белофиннов, но отмечалось, что «условия, в которых набирались первые добровольцы, совершенно изменились, и полк в целом не выполняет цели, которая бы оправдывала большие затраты на его содержание».

Приоритетная цель заключалась в «уничтожении» большевизма, поэтому реорганизация полка проводилась, чтобы дать возможность тем карелам, кто искренне хочет лучшей доли для своей страны, доказать, что они готовы внести свой вклад в восстановление закона и порядка, и дать им возможность в будущем, когда будет завершено восстановление и модернизация России, с гордостью указать на свой вклад в осуществление этой желанной мечты⁵⁵.

Вместо трех существующих батальонов полка (четвертый, как уже упоминалось, еще в марте слился с Олонецким полком) активную службу должен был нести только один Карельский добровольческий батальон, а другие подразделения переформировывались в саперно-строительные части, гарнизонную и пограничную охрану и невооруженный трудовой батальон. Добровольцев в их ряды предполагалось набирать только из Беломорской Карелии (все карелы, поступившие на службу на юге, приписывались к Олонецкому полку), а на довольствие они становились в русской армии. Приказ вступал в силу с 30 июня.

Как признался Мейнард в своих мемуарах, правда заключалась в том, что Карельский полк распустили, поскольку ему больше не доверяли⁵⁶. Тот факт, что Вудс сохранил командование над новым полком и его звание полковника было официально утверждено через прессу (т. е. повышение на местном уровне, которое произошло в прошлом году, получило формальное подтверждение публикацией в лондонской «Газетт»), едва ли утешил его или приободрил горстку людей, которых он смог набрать, чтобы заменить первоначальных добровольцев. Назначение в полк новых британских офицеров, которые прибыли вместе с силами поддержки Черчилля и не были знакомы с условиями северной России, также не улучшило положение дел. Не

стало оно лучше и в результате большевистской пропаганды среди местного населения и солдат полка.

В начале июня недавно прибывший офицер Королевских ВВС набросился на карельского солдата, а потом попытался добиться его ареста. Карельские войска выразили резкое несогласие, и дальнейших неприятностей удалось избежать лишь после того, как вызвали Вудса, который пообещал провести расследование этого инцидента. Даже после этого Добровольческий батальон «отказывался подчиниться приказу вернуться в казармы, пока полковник Вудс не вернулся и не объяснил им через Григория <Лежева>, что такие приказы должны выполняться». Это показывает, что карелы продолжали испытывать личное доверие к своему командиру. Он, в свою очередь, продолжал верить, что, если ему дадут немного времени, он сможет справиться с нынешними проблемами полка⁵⁷.

Для этого Вудс предпринял несколько мер. Во-первых, он выпустил секретную директиву для всех британских офицеров в округе, напоминая им о необходимости поддерживать свою собственную дисциплину и соблюдать правила приличия, чтобы служить примером для местных войск. Прежде всего, британский офицер не должен был гулять в общественных местах, засунув руки в карманы; прогуливаясь с дамой, он также не должен был «настолько увлечься взглядами и разговорами своей спутницы, чтобы не замечать приветствий проходящих мимо солдат». Настоятельно рекомендовалось как ему, так и его спутнице воздержаться от физических проявлений привязанности, поскольку такое поведение «является предметом насмешек, а не зависти наблюдателей»⁵⁸.

Во-вторых, Вудс предпринял шаги по противодействию большевистской агитации среди карельских добровольцев. В это время в гавани Попова Острова в устье реки Кемь стоял флагманский корабль американского адмирала Ньютона Э. Мак-Калли, на который и пало подозрение как на источник новых проблем⁵⁹. 19 июня подполковник Мейклджен, один из офицеров разведки Мейнарда, отправился на корабль вместе с Вудсом и его русским переводчиком лейтенантом Н. Менде, чтобы поговорить с адмиралом. Тот дал им разрешение подвергнуть экипаж перекрестному допросу. (И у Мейнарда, и у Айронсайда была своя служба разведки. Полковник С. Дж. М. Торнхилл, которого Вудс несколько раз упоминает в своих мемуарах, был начальником союзной разведки в Архангельске.) Вудс привел с собой карельского солдата, чтобы тот указал на человека, ответственного за беспорядки. «Один человек вызывал сильные подозрения, — осталась запись в журнале генерального штаба, — но никаких мер принять не удалось, так как карельский солдат, казавшийся весьма напуганным, отказался указать на него». Тем не менее адмирал согласился помочь, пообещав

проверить всех американцев, которые говорили по-русски, на судах под его командованием⁶⁰. Этот эпизод также описан в мемуарах Вудса (см. с. 149–150).

Штаб-квартира союзников планировала отправить Карельский добровольческий батальон в центральную Карелию в начале июля, чтобы подготовить его к действиям против большевиков. Однако к началу месяца Вудс был все еще обеспокоен недисциплинированностью своих подчиненных. 2 июля он послал Мейнард телеграмму, объясняя высокий уровень дезертирства сельскохозяйственным сезоном и большевистской пропагандой, и попросил, чтобы были увеличены рационы для его солдат и их иждивенцев, а также решены проблемы с распределением продовольствия⁶¹.

В частной переписке Вудс объяснил недовольство карелов отношением к ним нового командира Карельского добровольческого батальона, подполковника Х. С. Филселла. Вудс описал их конфликт в своих мемуарах («Майор Филселл во многих отношениях был отличным офицером ... однако его десятилетний опыт службы в Королевском полку африканских стрелков ... сослужил плохую службу, когда ему пришлось командовать этими жителями севера», с. 148), однако степень их вражды и ее последствия более четко прослеживаются в его личных бумагах и военных документах.

2 июля Вудс послал Филселлу откровенное письмо (оно приводится в Приложении С данной книги), в котором очень неодобрительно отозвался о высокомерии, которое новые британские офицеры проявляли по отношению к карелам: «Я знаю, на что они способны, — писал Вудс, не скрывая ярости, — и если с ними обращаться, как с “белыми людьми”, они и будут вести себя соответствующим образом — достойнее, чем многие другие люди, у которых были шансы получше». Он особенно выделил капитана Николая Рогиева (которого ошибочно называет в своих мемуарах Николаем Петровым), одного из ветеранов ухтинской кампании, за его опыт лесных боев, его «исключительные качества» как командира и его «идеальное вплоть до каждой буквы» знание российского военного устава. «Поэтому, — резко заканчивал письмо Вудс, — если вы будете продолжать вести себя с ним, как с невежественным дикарем, — что же, значит, вам недостает мозгов в вашей собственной голове»⁶².

5 июля Карельский добровольческий батальон был выстроен на площади в Кемь, и к нему обратились генерал Мейнард и главнокомандующий белогвардейскими силами генерал Марушевский. «Я не могу понять, — заявил Марушевский, — как вы, мужчины, имеете наглость считать, что союзники оденут вас и дадут денег, что они будут сражаться за вас в вашей стране, пока вы, как труссы, болтаетесь здесь без дела»⁶³. Мейнард ругал карелов не менее жестко, называя их «неве-

жественными дураками» и «посмешищем», и напомнил им, что дезертирство карается смертной казнью (речь Мейнарда приведена в Приложении D).

Вудс, должно быть, тяжело воспринял разнос, учиненный карелам двумя старшими офицерами, пусть даже собравшиеся здесь люди были, по большей части, недавними новобранцами и никто открыто не говорил, что нынешнее недовольство командования связано с его участием в местных политических интригах в течение зимы. Мейнард тонко чувствовал настроение Вудса. Он настроен, сказал он его подчиненным, дать им еще один шанс, «главным образом ради полковника Вудса, который уже в течение года выбивается из сил для вашего блага и который очень разочарован вашим поведением». Те, кто не хотел остаться в батальоне, могли сдать оружие и вернуться домой. Однако ушедшие снимались как с армейского, так и с гражданского довольствия и могли быть немедленно призваны в белогвардейскую русскую армию. Поскольку перспектива перехода под русское командование была одной из причин волнений среди карельских солдат, это едва ли было желанной альтернативой. Карелы снова попали в безвыходную ситуацию.

О том, что Мейнард почувствовал беспокойство Вудса, свидетельствует утешающая записка, которую он написал своему подчиненному через три дня. Ее стоит процитировать полностью, поскольку она поможет понять характер обоих офицеров:

Мой дорогой Вудс, мне очень жаль слышать, что вы так расклеились, и я надеюсь, что в самое ближайшее время вы снова будете в хорошей форме. Я знаю, вас глубоко волнует все, что имеет отношение к карелам, и из-за всего этого вы сейчас смотрите на мир предвзятым взглядом. Однако вы не должны принимать проблемы ваших приятелей слишком близко к сердцу. Меня, разумеется, это расстраивает, но вас еще больше, и я это полностью понимаю. В то же время вы и так сделали все, что могли, чтобы это представление завершилось успехом, и нельзя винить в частичной неудаче того, кто сделал все, что мог, — как, без сомнения, сделали вы. Кроме того, возможно, нам еще удастся сделать из карелов нечто большее, чем мы можем представить себе сейчас. В любом случае, не хочу и думать, что вы так беспокоитесь из-за этого. Мне не удавалось сделать массу вещей, которые я хотел сделать, но я знаю, как и вы, что я старался изо всех сил, и поражение меня не беспокоит. Поторопитесь поправиться и снова стать таким же жизнерадостным, как обычно. Искренне ваш, Ч. М. Мейнард⁶⁴.

В своих мемуарах Мейнард также делает великодушный вывод из беспокойной истории Карельского полка. «Теперь, когда мои дикие

и недисциплинированные солдаты Карелии, наконец, покидают мой рассказ, — писал он, — я рад думать, что самое главное место в моей памяти все же занимает их былое величие»⁶⁵.

11 июля Карельский добровольческий батальон, в который вошло 13 британских офицеров и всего лишь 285 военнослужащих других званий, отправился на поезде из Кеми по 11-му пути (в центральной Карелии) и затем походным маршем добрался до Повенца на северном берегу Онежского озера, чтобы подготовиться к боевым действиям⁶⁶. Неделю спустя конфликт Вудса с Филселлом вышел наружу. Вудс подал майору Гроуву из штаба 237-й бригады жалобу на то, что Филселл «продолжает обращаться с карелами как с неграми — отношение, которое крайне возмущает как офицеров, так и солдат». Вудс утверждал, что он пытался найти почву для примирения во мнениях, но тщетно (неудивительно, учитывая тон его письма от 2 июля). После этого Филселл подал заявление об отставке, и Вудс рекомендовал штабу бригады принять ее. Он предложил, чтобы на место Филселла был назначен капитан Дж. Б. Ноэль, один из ротных командиров⁶⁷.

Тем временем массовое дезертирство карелов из нового формирования продолжалось, поскольку приближалась передача командования над ним русской армии. Согласно мемуарам Вудса, двое последних карельских офицеров, его надежные и верные товарищи Григорий Лежев и Николай Рогиев покинули батальон примерно в это время (см. с. 149). 5 августа генеральный штаб сделал запись: «Карельский саперно-строительный батальон прекратил свое существование»⁶⁸.

Однако к востоку от Карелии британцев поджидали гораздо худшие неприятности. В то время как генерал Скобельцын и бригадный генерал Прайс наступали — без Карельского полка — на юг вдоль западного берега Онежского озера, Архангельский фронт был охвачен серией восстаний. 20 июля 5-й русский пехотный полк под командованием полковника Эндрюса, стоявший в городе Онега (название может ввести в заблуждение — он стоит на южном берегу Белого моря), целиком перешел на сторону большевиков. Потеря Онеги и окружающей территории создала клин между мурманскими и архангельскими силами, что угрожало их коммуникациям и успешному взаимодействию в наступательных операциях, предшествующих скорому отступлению. (Довольно любопытную информацию приводит Вудс в своих мемуарах, согласно которой полковник Эндрюс после освобождения из большевистской тюрьмы был убит в 1923 г. в гараже, которым он владел совместно с Ф. П. Крозье, с. 154).

Мейнард понимал, что Вудс лучше всего действует независимо, командуя нерегулярными войсками, которые он может использовать очень гибко. Он также знал, что Вудс был глубоко огорчен и расстроен

проблемами с Карельским полком. Штаб-квартира 237-й бригады в это время расследовала конфликт с Филселлом, но Прайс не был настроен следовать рекомендациям Вудса (он уже знал, что ольстерец был весьма упрям и имел трудный характер), да и в любом случае момент для отзыва опытного офицера был неподходящий, ведь именно в это самое время он готовил своих подчиненных к сражению.

По этой причине Мейнард решил поставить Вудса во главе небольшого отряда и отправить его в Сумский Посад к юго-востоку от Сороки. Там он должен был найти дополнительных добровольцев и организовать оборонительную линию для защиты Мурманской железной дороги, чтобы не допустить наступления большевиков на запад, а потом сам атаковать в восточном направлении, чтобы восстановить коммуникации между двумя фронтами. 25 июля Вудс выехал из Кеми⁶⁹.

Это было жизненно необходимое, но опасное задание. То, что Мейнард доверил его Вудсу, доказывает, что он сохранил уверенность в командирских способностях своего подчиненного. Это был также умный ход, с помощью которого его убрали с дороги. Вудс сохранил командование над Карельским полком (как и над всем Кемским округом), но, будучи занятым этой операцией, он уже не имел возможности вызвать дальнейшие проблемы или обиды в новой структуре полка. Формально Вудса не лишили его командирской должности, но свой полк он уже потерял.

Это позволило Прайсу оставить Филселла на его посту. В конце концов, он с успехом повел Карельский добровольческий батальон в битву в середине сентября. Позже бригадный генерал сообщил Мейнарду, что перед Филселлом «стояла трудная задача, учитывая то, что почти все его солдаты были недавними новобранцами. Под моим командованием он добился хороших результатов <...> У этого офицера есть дар военной подготовки, он умеет командовать и является способным и энергичным»⁷⁰. Нельзя представить мнение, более резко противоречащее взглядам Вудса.

Между тем Мейнард был не менее доволен операцией Вудса в Сумском Посаде:

Он оказался именно тем человеком, который был нужен для этой работы <писал Мейнард в своих мемуарах>, и через несколько дней ему удалось собрать внушающий уважение отряд. Мне неизвестно, кем они были и как он их раздобыл, а от нескромных расспросов я уклонился. Возможно, некоторые из них были его старыми карельскими друзьями, притянутыми к нему связями общего прошлого, другие, скорее всего, были русскими, которые либо пренебрегли приказами о мобилизации, либо не попали под призыв по возрасту⁷¹.

Мейнард попал в точку. Вудсу удалось собрать немного местных бойцов (в своих мемуарах он пишет, что рекрутировал «нескольких дюжих женщин и одного мужчину, насчет которого <капитан> Лак предположил, что мы “выкопали его из могилы на кладбище”», с. 156), но среди его тайных товарищей был Григорий Лежев. Он привел с собой несколько старых карельских добровольцев, которые до этого вернулись домой, отказавшись служить вместе с Филселлом и укрывшись от принудительного набора в русскую армию. Примечательна их верность Вудсу — эти люди сражались против сил большевиков на стороне союзников, хотя никакой выгоды из этого они извлечь не могли; при этом, если бы их обнаружили белогвардейцы или задержали британские войска Прайса, они были бы расстреляны как дезертиры. Позже к Вудсу присоединилась и группа сербов⁷².

Эти разношерстные партизанские силы заняли деревню Нюхчу к юго-востоку от Сумского Посада и успешно отразили контратаку большевиков, как описано в мемуарах. Затем 7 сентября красные силы ушли из Онеги, куда вошли войска Айронсайда из Архангельской группы, таким образом, вновь соединив два фронта.

14 сентября, накануне эвакуации, майор Маккези подписал приказ, который окончательно распускал Карельский добровольческий батальон. Все солдаты, подлежащие призыву на военную службу, переводились в белогвардейскую армию. Карельские трудовые роты и роты гарнизонной охраны передавались белогвардейцам без расформирования. 19 сентября Вудс сдал командование над районами Сорони и Сумского Посада русским офицерам и вернулся в Кемь, чтобы заняться организацией подготовки к эвакуации⁷³. Когда 29 сентября он, наконец, сел в Кемском порту на борт судна, идущего в Мурманск, и 3 октября отправился домой в Британию, он осознавал, как писал в своих мемуарах, что, несмотря на его собственные военные победы, интервенция закончилась «совершенно неудовлетворительно».

* * *

Интервенция союзников и особенно руководство и одобрение Вудса вселили в карелов надежды на возможность добиться признания своих прав на самоопределение согласно принципам, по которым шло послевоенное переустройство остальной Европы. Если бы союзники, выполнив свою первоочередную цель по сдерживанию германского наступления на берег Северного Ледовитого океана и переброски немецких войск на западный фронт, после этого придерживались строгого нейтралитета в гражданской войне в России или настояли на своих мирных инициативах с большей твердостью и беспристрастностью, карелам, возможно, удалось бы хотя бы привлечь внимание мировых держав к своему вопросу, прежде чем стало слишком поздно.

Однако с самого начала цели интервенции формулировались неопределенно — как мы видели, ее движущей силой были не только стратегические соображения, касающиеся Германии, но и отвращение, которое многие политические и военные лидеры союзников испытывали по отношению к режиму большевиков, их целям и мировоззрению. Таким образом, союз Антанты и белого движения совмещал политические принципы и оппортунизм. Это также вынудило их отодвинуть на второй план и отвергнуть требования местного карельского населения, хотя карельские войска в значительной степени помогли союзникам достичь того, что считалось основной стратегической целью их вмешательства, и сдержали немецкие силы. Вудс был крайне возмущен несправедливостью и беспринципностью британских имперских властей, проявившимися в игнорировании того, что ему казалось справедливыми требованиями притесненных, подвергавшихся преследованиям и тем не менее отважных людей, а также симпатизировал карелам в их неприятии как русского империализма, так и финской алчности.

Финал мемуаров Вудса, в котором говорится, что карелы «заключили с Советами мир на условиях предоставления им статуса “автономной республики”» (с. 168), является понятной, но неправильной интерпретацией дальнейшей истории региона. В реальности поддержка, оказанная союзниками белогвардейцам, толкнула карельских националистов обратно к Финляндии. Больше они так и не смогли проводить действительно независимую политику.

В течение первой половины 1919 г. профинские карельские эмигранты, такие как Пааво Ахава, придерживающиеся ярко выраженной антибольшевистской (а также антирусской) программы, поддержали новое белофинское вторжение в Олонецкую Карелию как кампанию за освобождение и выступили против более независимой позиции Карельского национального комитета в Кеми⁷⁴. К лету 1919 г. профинские карелы вновь доминировали в национальном движении, так как и боевой дух, и численность активистов, собравшихся в полку Вудса или вокруг него, были ослаблены проводившимися белогвардейцами арестами, убийствами (как в случае с сыном Пааво Ахава, Ииво) и высылкой, чему потворствовало и даже содействовало британское командование.

Съезд карелов, состоявшийся 21 июля в Ухте, ратифицировал резолюцию февральского съезда и учредил «Временное правительство Беломорской Карелии», которое заменило более не существующий Национальный комитет (пятеро его членов были мертвы или находились в изгнании). Новое Временное правительство ориентировалось исключительно на Финляндию⁷⁵. Летом союзники перестали поставлять карелам запасы продовольствия (чем им угрожал генерал Мейнард).

Поскольку у белого движения не было желания, возможности и намерения оказать помощь, местное население все больше и больше зависело от поставок продовольствия из Финляндии через границу. Поставки материальной помощи в деревни Беломорской Карелии стали дополнительным обоснованием финских претензий на эту территорию.

После эвакуации союзников Карельское временное правительство решило организовать сопротивление большевикам, наступавшим с юга, а также распределить между населением финскую помощь, все это в условиях непрекращающейся враждебности, вмешательства и репрессий со стороны белого движения. Даже в конце 1919 г., когда белогвардейское правительство генерал-губернатора Миллера находилось на грани распада, оно все так же отказывалось признать Карельское временное правительство (хотя в тот момент Миллер уже предлагал карелам ограниченную автономию в составе России взамен на военную поддержку — возможно, что кемские активисты полка Вудса приняли бы это предложение, если бы к тому времени белогвардейцы не уничтожили их влияние). После того, как профински настроенные карелы решили не ввязываться в междоусобный конфликт между белыми и красными, 23 февраля 1920 г. большевики сокрушили последние оставшиеся белогвардейские силы в Мурманске.

Даже в отсутствие белогвардейцев большевики все еще слабо контролировали этот регион, а финские войска продолжали оккупировать ряд районов Олонецкой Карелии, поэтому какое-то время казалось, что у Карельского временного правительства в Ухте появился шанс. В январе 1920 г. оно провозгласило независимость Карелии и начало подготовку к народным выборам в Карельское учредительное собрание, которые должны были состояться в конце марта. В перспективе планировалось организовать референдум по вопросу вхождения в Финляндию на правах автономного региона. Однако 19 марта Красная армия заняла Ухту. Под пристальным вниманием большевиков 120 представителей из двенадцати карельских районов встретились, чтобы обсудить будущее своей родины. Несмотря на данные правительством Ленина обещания, что Советская Россия предоставит региону автономию, Карельский съезд решил отделиться от России, после чего провести референдум о конституции, а пока потребовал, чтобы красноармейские части покинули Ухту. Они временно уступили требованиям, но 18 мая вернулись, заставив Временное правительство бежать в Финляндию. Там оно и осталось, в течение последующих двадцати лет организовывая кампании, заговоры и время от времени обращаясь в Лигу Наций.

Тем временем 7 июня красные финские активисты, поддержанные Красной армией и Лениным, торжественно провозгласили создание

Карельской Трудовой Коммуны, в которой объединялись Олонецкая и Беломорская Карелии. Ей была предоставлена значительная автономия в самоуправлении и экономике, однако карельские «мелконационалистские» устремления были подчинены более глобальной цели финских «революционных националистов» — построению «Великой Красной Финляндии»⁷⁶. Концепция карельской идентичности, которой придерживались красные финны, на деле немногим отличалась от аналогичной концепции белофинских националистов. Программа культурного развития, проводимая в Карельской Трудовой Коммуне, которая в 1923 г. была повышена до статуса автономной республики, ориентировалась на стандартный финский язык и имела целью ускорить «эволюцию» «отсталых» карелов в полноценных современных финнов.

Финское правительство осторожно признало эту форму национальной автономии, хотя и испытывало подозрения по поводу ее политической окраски, отвело свои войска и отказалось от территориальных претензий, чтобы заключить мирный договор с Советской Россией в октябре 1920 г. Карельские крестьяне сами подняли восстание против советской власти зимой 1921–1922 гг. Оно было поддержано белофинскими активистами, которые позже не сумели доставить подкрепления или материальную помощь и бежали, а карельское восстание было жестоко подавлено Красной армией, в которую входило значительное число подразделений красных финнов.

В течение следующих двух десятилетий советское правительство забрало бóльшую часть автономных привилегий, которые изначально получила «Карельская» автономная республика. Уже к концу 1920-х гг. обширные территории в центральной Карелии были покрыты сетью исправительно-трудовых лагерей, включавшей зловещую тюрьму в Соловецком монастыре. В течение следующих десяти лет карельский ГУЛАГ вырос еще больше⁷⁷. Кемское здание, в котором жил Вудс во время своего недолгого пребывания в северной России, стало штаб-квартирой главного транзитного пункта для принудительных переселенцев, обреченных на тяжелый труд (а многие — и на смерть) в карельских лесах. Индустриализация принесла с собой в Карелию не только заключенных, но и огромное количество новых русских рабочих, в результате чего национальное население превратилось в незначительное меньшинство на своей собственной территории⁷⁸.

В 1935 г. Иосиф Сталин удалил красных финнов из руководства Карелией (большинство из них были расстреляны в течение нескольких следующих лет) и какое-то время поддерживал «советское карельское» культурное развитие, что вызвало спешное создание письменного карельского языка, который во многих отношениях (включая использование кириллического алфавита) необъяснимым образом

напоминал русский язык в его советском варианте⁷⁹. В течение нескольких лет младшие карельские школьники учились читать Пушкина и Сталина на карельском языке. В январе 1938 г. финский язык в Карелии был запрещен.

Эксперимент продолжался всего два года. Когда Советский Союз начал Зимнюю войну против Финляндии в декабре 1939 г. (для подготовки к ней строились протяженные укрепления вдоль карельской границы, о чем упоминает Вудс в конце своих мемуаров), он вновь восстановил власть финских коммунистов над Карелией — хотя, за исключением хитрого Отто Куусинена, пережившего репрессии, Сталину было весьма трудно найти уцелевших красных финнов, которых можно было бы назначить в республиканское руководство. В начале 1940 г. Карелия была повышена в статусе до уровня союзной республики (т. е. тот же административный уровень, что Россия, Украина и т. д.) и переименована в Карело-Финскую Советскую Социалистическую Республику в надежде на то, что восточная Карелия в сочетании с маленькой полоской земли, которую захватила Красная Армия в кампании, оказавшейся за этим исключением крайне неудачной (возврата этих территорий с того времени и до сих пор требует небольшое, но шумное карельское лобби в Финляндии), сможет сформировать ядро будущей социалистической Финляндии.

В этом отношении карелы вновь были сведены до подкатегории большей существующей нации, их устный язык был проигнорирован ради чьего-то другого письменного языка, а их территория отдана другому государству, как происходило в течение всей их истории. (В 1956 г. советский лидер Никита Хрущев вернул региону его прежний статус автономной республики в составе РСФСР). Лишь в течение нескольких месяцев 1918–1919 гг. при помощи и поддержке Вудса карелы, объединившись под зелено-оранжевым флагом с трилистником, пытались осуществить мечту об отдельной, выбранной ими самими судьбе.